

Квантовое мировоззрение «Войны и мира»

А.В. Карасев

(Получена 7 октября 2010; опубликована 15 октября 2010)

Современному читателю «Войны и мира» очевидно, что вся образная система романа является по существу квантовой картиной мироздания. В ее основе лежит образ мира, как потока событий, которые совершаются не по воле людей. Наоборот, имеющие совершиться события конфигурируют этот поток, подстраивают мелкие, незначительные вроде бы детали под итоговый результат, влияя на устремления, желания, страсти отдельных людей – от Наполеона до последнего сержанта. Участники потока сливаются в отдельные самостоятельные миры – семьи, роты, батареи, эскадроны, салоны, кружки... И в итоге образуется движение целых народов. В этом потоке наиболее деятельны лица, не пытающиеся анализировать, понимать смысл происходящего. Подобные попытки лишают наблюдателя права действия, оставляя лишь безучастным свидетелем – пусть даже и в самых горячих точках. Непонятно происхождение квантовых аспектов романа в эпоху полного господства классического механицизма, за полвека до первых сомнений в его абсолютной непогрешимости. Интересен также вопрос о влиянии этих аспектов на европейскую науку и культуру. Но гораздо важнее воспринять мощь и яркость этих квантовых образов, которых так не хватает современной физике. Квантовая революция 20 века радикально перестроила всю надстройку здания физики, но оставила неизменным старый классический фундамент образов, понятий и символов. Именно это несоответствие базиса и надстройки выражается в интерпретациях и парадоксах квантовой механики. Возможно, прогресс в этой области будет обеспечен не путем логической мысли, но путем обновления образно-ассоциативного фундамента, в котором образы «Войны и мира» должны занять достойное место.

Я не буду приводить конкретных цитат, хотя многое само собой напрашивается, особенно из авторских отступлений. Однако вырванные из общей образной ткани романа цитаты беднеют, бледнеют и выглядят как-то убого и узколобо. По-русски говоря, цитата редуцирует образ. Поэтому, я буду лишь напоминать, обозначать, конкретные места без кавычек. Надеюсь, кто вспомнит – то не цитату, не отдельные слова, но вызовет из памяти именно образ романа. Остальным будет интересно освежить школьные впечатления.

Мир как поток событий

В названии романа имеется в виду мир не как отсутствие войны, но как мироздание. Соответственно надо переводить не «War and Peace», но «War and World». Это общеизвестно, но традиции непоколебимы. И вот главная особенность этого Мира (в тогдашней орфографии) – он представляет собой не совокупность вещей, но поток событий, более-менее устойчивые разветвления которого составляют иллюзию постоянно существующих вещей.

В первую очередь таков образ армии. Все вроде бы на месте, как корабль вокруг моряка. И все-таки армия - не вещь, как некая постоянно существующая сущность, но поток, движение. Армия постоянно движется, действует, она и существует только в движении. Даже на привале надо рубить дрова, сушиться, варить кашу, разливать водку. Максимум движения, конечно, в бою, но это редкие минуты. А наиболее естественное, основное состояние – походная колонна. Убедительная сила образа этого потока обеспечивается тем, что он написан как бы изнутри, из самой колонны. Читатель чувствует весь этот поток на собственном хребте, натертом лямками

и ранцем, сам впотьмах натывается на передние ряды. Именно это создает не отдельные фрагменты сражений и походов, но единую цельную картину армии, общества, истории.

Этот поток не имеет начала и конца. Следовательно, он неуправляем схоластическими диспозициями, всегда предполагающими некоторую начальную точку отсчета, которой в реальности не существует.

Конечно, армия на марше – самый впечатляющий образ потока событий. Но не единственный. На примере войны, как самом концентрированном выражении образа мироздания, Толстой показывает, что и все остальные явления жизни, наши страсти, желания, устремления – как отдельные ручейки сливаются в единый поток, который передвигает стрелку на часах всемирной истории.

Неопределенность и суперпозиция

Наполеон смотрит в подзорную трубу, но дым сражения застит ему глаза. Облака этого дыма – ярчайший образ квантовой неопределенности. Никто не может понять, что именно там происходит. Как только расстроенные толпы бегущих солдат выходят из области этого дыма (ну точно частицы из коллайдера на регистрацию по счетчикам) они тотчас строятся генералами и направляются назад, где контроль над ними опять теряется. Под этим дымом – область авторского произвола. Туда можно помещать вымышленных персонажей – все равно никто не разберет, что там было на самом деле. Это как бы одна из виртуальных версий квантового мультиверса – лишь бы не исказить регистрируемых событий.

А эти события непредсказуемы, если исходить только из наблюдаемой в данной версии информации. То есть, видя Николая Ростова на войне или на охоте («под дымом»), не только мы не поймем, но он и сам не знает, что будет делать – пойдет ли в атаку на французов, пустит ли собак на волка. И в то же время мы чувствуем некоторую предопределенность (ну так и хочется сказать – волновую функцию) предстоящих событий. Эта предопределенность заложена в ненаблюдаемой сфере духовных сил – в желаниях, страстях, симпатиях, которые руководят людьми в отдельности и обществом в целом. И вот Николай еще колеблется, но рука уже отдает поводья, и борзые летят за волком, и эскадрон бодро-весело скачет в атаку за командиром. Из таких бесчисленных мельчайших решений складываются итоги войн и сражений. И мы видим, что эти великие дела совершаются не по воле отдельных людей, Наоборот, обобщенные духовные силы влияют на устремления, желания, страсти участников событий – от Наполеона до последнего сержанта. Соответственно и мельчайшие, произвольные на первый взгляд решения, оказываются предопределенными в пользу имеющихся совершиться великих событий. Мы чувствуем как духовная сила нашей армии, превосмогает силу наполеоновского нашествия, действуя как на всех неприятельских солдат, так и на самого императора. И вот когда эта духовная сила нашествия сломлена сильнейшим духом противником, гениальные приказания и распоряжения Наполеона, которые он отдает, как ему кажется абсолютно свободно и произвольно, приводят к гибели великой армии и всей империи. То есть мы видим, что течение мирового потока событий предопределено соотношениями некоторой духовной силы, и, в то же время бесчисленное количество случайностей совершенно непредсказуемо.

Все эти положения убедительно резюмируются в авторских отступлениях. Однако, главная ценность романа, конечно же, не в этих отступлениях. Картина мироздания «Войны и мира» обосновывается не парой фокуснических фраз, но всей образной силой романа, которая складывается из простейших вроде бы образов войны и охоты, танцев и прогулок. И это образы самых простых и обычных людей – не героев и не императоров. И мы буквально можем видеть «собственными руками», как отдельные желания и страсти, ценности и предпочтения, которые есть во мне, в нем, в каждом солдате – образуют духовные миры семьи, компании, роты,

батареи, эскадрона. И сливаются в итоге в духовные массивы армии и народа, которые, предопределяя невидимое течение истории, реализуются в виде иллюзии произвольных повелений великих личностей.

Редукция

«Тут то я увидел атаку павлоградцев... Смяли два каре!» Никаких каре там и близко не было. Как и самого адъютанта. Но именно такая вот ерунда и остается в документальных описаниях сражений и событий. Взаимодействие огромных потоков духовных сил редуцируется до нескольких строчек, хорошо если имеющих хотя бы отдаленное отношение к происходящему. Естественно, понять суть и смысл этих событий из подобных описаний невозможно. При редукции теряется самая существенная информация – о духовной силе противоборствующих сторон. Редким исключением представляется образ Кутузова, способного не только понимать значение этой духовной силы, но оставить соответствующие документы. Так, объясняя необходимость Бородинского сражения, он пишет; «Дальнейшее отступление может привести к утрате духа чрезвычайного». Еще раньше, отдавая туркам Руцук: «Сие только и можно было произвести после совершенной победы, напротив, если бы была хоть малейшая неудача, для чести оружия невозможно было бы оставить Руцук». И так, после побед мы отступаем, отдавая врагам Руцук, Москву, Малоярославец. А наступать надо только после поражений. И мы видим, видим не из штабных документов, но опять из самой гущи армии и народа, как эта парадоксальная стратегия, стратегия духа, оказывается эффективным орудием уничтожения наполеоновского нашествия.

Позволю себе личное отступление. Когда я в первый раз читал «Войну и мир», в кинотеатрах широко шла киноэпопея «Освобождение», целиком построенная на маршальских мемуарах. Впечатляющие кадры управления историей из сталинского кабинета – Первый белорусский фронт, Второй белорусский фронт... Невольно формировалось убеждение, что Толстой был прав только в свое время - при отсутствии авиаразведки и телефонов ВЧ. А уж в эпоху телекоммуникаций и Интернета... К счастью, тогда еще были доступны ветераны, далекие от штабно-мемуарной редукции. Их живые образы полностью развеяли добросовестно редуцированную картину мемуарной войны. Даже в звездных войнах, буде таковое случится не в кино, генералы будут держаться подальше от квантового дыма космических сражений. Весь вопрос только в том насколько подальше - будет ли это полет стрелы, картечный выстрел, парсеки или световые лета. Но главные условия, условия духовной силы, решающие участь истории, будут все также недоступны и непонятны генералам и историкам.

Наблюдатель

Ростов при Аустерлице, Пьер на батарее Раевского – это образ идеального наблюдателя, не возмущающего состояния системы. Но только в этом состоянии Пьер (и мы вместе с ним) способен почувствовать и понять решающее значение духовной силы. Попытки познания лишают Пьера права действия. А попытки самому воздействовать на ход истории не только лишают права познания, но и вообще крайне смешны и нелепы. Наиболее действенными оказываются именно те люди, которые, как Николай Ростов, даже и не пытаются понять смысл событий, заботясь только о самых простых и непосредственных вещах. И мы чувствуем развитие образа дополнительности действия и наблюдения. И опять же – не путем логических рассуждений, но из образной картины романа.

Истоки и влияние

Как могло развиваться такое мировоззрение в эпоху в эпоху полного господства классического механицизма, за полвека до первых сомнений в его абсолютной непогрешимости? Позволю себе только самые общие предположения. Возможно влияние православной культуры, которая, в свою очередь во многом опирается на положения неоплатонизма. В основе этого мировоззрения, идущего еще от Платона, лежат представления о первичности духовной природы. В европейской культуре более авторитетными были положения Аристотеля, которые легли в основу механицизма и атомизма. Но какими бы ни были источники и составные части, главная ценность «Войны и мира» не в них, а в том, что Толстой развивает свое мировоззрение «снизу» - не рассуждениями о действиях императоров и генералов, а образами обычных людей в простых реальных обстоятельствах.

Сведения о непосредственном влиянии Толстого, подобные известным словам Эйнштейна о Достоевском, отсутствуют. Однако, из теории и практики рекламы известно, что наиболее эффективно именно неосознанное, неявное, подсознательное влияние. А такого влияния не мог избежать ни один читатель «Войны и мира». Известно, что многие выдающиеся философы специально учили русский язык, чтобы читать Толстого в подлиннике. Вряд ли только затем, чтобы следить сюжетные линии – видимо, чтобы глубже погрузиться в образную картину романа. Этот образный материал, конечно, не мог не сказаться на общем развитии философской мысли. Впоследствии общий философский фон эпохи во многом определил развитие квантовой механики. Так что косвенное влияние «Войны и мира» вполне возможно.

К сожалению, не было непосредственного образного влияния. В физике не появилось новой образной картины, теоретический аппарат до сих пор опирается на старые, неподходящие, непригодные для него классические образы и поэтому теряется в недоумении интерпретаций и парадоксов. По моему глубокому убеждению, всеобщая неудовлетворенность современным состоянием квантовой физики – проблема не теоретическая, не математическая, но образно -художественная. Поэтому попытки разрешить эту проблему путем теоретическим, математическим, путем введения дополнительных измерений, скрытых параметров, оригинальных систем счисления не вызывают того резонанса, которого безусловно заслуживают. Все вроде бы правильно, но читатели только пожимают плечами...Дальше то что?

Видимо, дело действительно в том, что с теоретической точки зрения тут все схвачено еще в 1925-27 гг., когда и были заложены основания современной квантовой механики. Только это осталось «неотрефлексированным должным образом» [1]. Эта точка зрения безусловно преобладает, а в отечественной науке даже доминирует. А возразить то по существу и нечего. Разве только выразить недоумение – как же это все лучшие умы вот уже 80 лет никак не могут успокоиться на таком простом и очевидном решении. Для меня здесь ключевое слово – «отрефлексированным», что означает уже не логическую, а образно-художественную категорию. Видимо, где-то в подсознательных глубинах европейской культуры кроются такие образно-художественные представления единства мироздания, которые не могут удовлетвориться вынесением процедур приготовления и измерения за рамки теоретической физики. Нет, упорствуют они – «если квантовая теория способна дать полное описание всего, что может произойти во вселенной, то она должна иметь возможность описать также сам процесс наблюдения через волновые функции измерительной аппаратуры и исследуемой системы. Кроме того, в принципе, квантовая теория должна описать и самого исследователя, наблюдающего явления при помощи соответствующей аппаратуры и изучающего результаты эксперимента ... через волновые функции различных атомов, составляющих этого исследователя» [1]. Таким образом, интерпретационные проблемы квантовой физики – это проблемы не теоретические, не математические, и, в строгом смысле, даже не вполне научные.

Это проблемы образно-художественной экстраполяции экспериментов микромира на понятия жизни, сознания, вселенной. Экстраполяции, разумеется, никак не обоснованной, вряд ли ее можно назвать вполне научной. Однако на этой экстраполяции построена вся европейская культура, поэтому стремление к ней не ослабнет, пока эта культура существует.

Именно этим объясняется возрастающий интерес к образным системам «Ригведы» и других памятников образно-ассоциативного мышления, которое основательно подзабыто европейской наукой, привыкшей использовать исключительно абстрактно-логические схемы [2]. Никакой эзотерики здесь нет, просто в этих системах представлен богатейший образный материал для подобных экстраполяций. В ряду этих систем достойное место должно занять мировоззрение «Войны и мира» - особенно, конечно, в отечественной науке, поскольку нам эти образы представляются близкими и родными. Поэтому, читая «Войну и мир» нам легче понять древнюю истину о том, что образ должен предшествовать мысли. Что абстрактно-логическое мышление развивается в рамках, заранее определенных образной символикой. Семена мысли возрастают на образном поле, которое определяет и направляет их рост. Пока что квантовая мысль пытается прорасти на неудобном для нее поле классических образов, развиваться в тесных классических рамках. Это рамки оконной решетки, через которую Декарт рассматривал дуб и построил на этом образе парадигму классической физики – пространство, время, частицы. А что если в основу квантовой физики положить образ другого дуба? Точнее, конечно, не самого дуба, а Андрея Болконского под ним. Такой подход соответствовал бы принципам, предложенным еще Пуанкаре [3] – положить в основу физики не иллюзии, возникающие у наблюдателя при восприятии внешней информации (пространство, время, частицы), а свойства самого этого наблюдателя. Положить эти свойства надо так, чтобы в модели наблюдателя при восприятии внешней информации возникали соответствующие иллюзии. Этот подход полностью соответствует и принципам Толстого о том, что прежде всего следует изучить и понять не экономику, не политику, но человека, как субъекта политики и экономики. Андрей Болконский стал настоящим офицером только тогда, когда осознал связь между собой и каждым солдатом. Николай Ростов прежде всего почувствовал образ крестьянина. Квантовая физика станет простой и понятной, когда образ оконной решетки заменится образом того, кто распахнув эту решетку почувствует и осознает свое единство и с пресловутым дубом и с лесом и со всем Миром. И все это мое, и все это во мне, и все это я...

Литература

1. Липкин А.И. Квантовая механика как раздел теоретической физики. Формулировка системы исходных понятий и постулатов // Актуальные вопросы современного естествознания. 2005, вып.3
2. В. Ю. Ирхин, М. И. Кацнельсон, Крылья Феникса. Введение в квантовую мифофизику. Екатеринбург, Издательство Уральского университета, 2003
3. Пуанкаре А. О науке.- М.: Наука, 1990.